

Историческая драма Валерия Митрохина «ЮГО-ВОСТОК» как опыт новой генерации русской эпической поэмы

Животрепещущая актуальность темы этого поэтического сочинения может автоматически ввести его в круг очевидной и прямолинейной публицистики. Но это тот случай, когда принципиально важно – не ошибиться...

Преодолеть нынешний информационный грохот вокруг драматических событий наших дней, не утонув в нём, сможет только особый голос – тихий голос истинной поэзии, изначально призванной опознавать и в обозримом, и в невидимом пространстве жизни смыслы и целеполагание. Сегодня изощрённое звучание самососредоточенного постмодернизма может только усилить ощущение непроницаемого событийного хаоса. Поэтому проявление ответственных и понятных голосов в литературном пространстве – насущная необходимость эпохи...

*И каждый из таких голосов – знак спасения. Именно такой – пронизательный, а часто пронзительный – голос неукротимого призыва в сферу поэтического глубокомыслия и синхронно живущей в нём художественной эмоции неустанно посылает читателям русский поэт крымского происхождения **Валерий Митрохин**.*

В представляемом произведении он является читателю более всего как художник, нашедший средства не только выразить эмоциональные реакции русской души на ныне происходящее, но и провидящий переживаемые события в эпическом горизонте истории. Очевидно, что подготовиться к исполнению творческого задания такого бытийного масштаба поэт мог лишь в особом развороте личной судьбы и каким-то специальным опытом творческой жизни...

Вестью этого столь неординарного произведения будет одарён каждый, кто проявит готовность к пристальному и глубокому чтению, достойному явленного здесь творческого свершения. В процессе такого чтения может сложиться благодатная творческая связь читателя с автором книги. Поэтому очень важно с самого начала настроиться именно на такое чтение...

Погружаясь в художественное письмо этого поэтического сочинения, читатель неотразимо почувствует некую увлекающую силу, хотя и не сразу поймёт её энергетические истоки...

«Юго-Восток» имеет сложную архитектуру и характерные признаки различных жанров. Валерий Митрохин определил жанр своего произведения как роман-поэма. И для этого определения, несомненно, есть объективная мотивация: таким составным наименованием автор хотел обозначить эпический масштаб своего поэтического сочинения (характерный для романа) в сочетании с его глубоко лирической природой (как имманентным основанием поэмы). Погружаясь в это сочинение с оригинально обозначенным жанром, убеждаемся, что оно действительно развивается по романному правилу (обещанное прологом раскрывается повествовательными главами и завершается эпилогом), а эмоциональная атмосфера стихотворного романа настойчиво ассоциируется с лирической поэмой. Впрочем, в тексте произведения поэт не однажды внесёт дополнительные коннотации в первичное определение жанра своего произведения. Он назовёт его то «*светописанием*», то «*посланием*»... Но, как итоговый результат синтеза различных жанровых начал, эпическое произведение Валерия Митрохина буквально ошеломляет образной панорамностью, многослойностью изложения и эмоциональной искренностью автора. С начала и до конца повествования поэт, открываясь читателю, как будто запускает мировоззренческие пробы в его душу и испытывает на близость сердечного градуса...

С первых строк понятно, что произведение посвящено таким явлениям славянской истории и современности, от которых зависит, как устроится будущее славянских народов. Пролог задаёт невероятно сложную проблематику – отвержения Украиной «*братского соседства*», несущего этому локусу родовой российской территории трагическую судьбу: «*Ты собственное вырезала сердце! / <...> О сиротина! / Краина России – Украина!*». Хронологические рамки создания поэмы, обозначенные автором в конце книги (12.10.2012 – 22.11.22), соотнесённые с содержанием, показывают, что первые осознания надвигающейся славянской беды пришли к автору задолго до обозначенного временного периода их сюжетной записи.

Сегодня, конечно, уже прояснился поворотный смысл разворачивающихся сегодня общенародных бедствий, но наш поэт давно увидел их тектонический эффект в судьбе славянства, и неспроста его поэтическая мысль уже несколько десятилетий работает над включением этих потрясений в общеисторический контекст страны и мира. Поэт описывает не одно событие, а целую эпоху испытаний славянского единства. Вот почему эпическое движение книги воспринимается ещё и как летопись, правда, очень необычная: событийные картины сопровождаются историческими реминисценциями, повествовательная цепь скреплена авторским мировоззренческим стержнем и погружена в лирическую атмосферу редкостной искренности и художественной силы, а вся созидательная работа летописца осуществляется в онтологическом пространстве борьбы Добра и Зла.

...Но вот в какой-то момент читательского погружения в плоть произведения происходит синтезирование разнообразных первичных впечатлений в неожиданное открытие: по своей главной особенности – обширному и многогранному художественному осмыслению витка событий, который ещё не завершился, но уже знаково отражается на судьбе народов и государств, – «Юго-Восток» соответствует главному каноническому принципу конкретного литературного жанра, издавна именуемого *эпической поэмой*. То есть автор, по существу, воскрешает актуальность как бы позабытого мощного средства освоения смыслов исторического движения. И это читательское открытие может плодотворно направить дальнейшее общение с книгой и её автором.

***

Здесь уместно и даже необходимо оживить отдельные акценты происхождения и эволюции жанра эпической поэмы и эпического мироосмысления в пространстве русской литературы.

Познать историю как одну из неукротимых стихий мироздания и усмирить её гармонической силой поэтического слова человек пытается с древности. В дописьменный период результаты такой культурной работы человека в виде песен сохранялись искусством их устного исполнения народными сказителями: аэдами и рапсодами. Позже наиболее значительные из таких поэтических сказаний, в записанном виде, получили статус национального эпоса.

Эпическая поэма, эпопея, – как специальный жанр для пространного и глубокого поэтического отражения крупнейших исторических событий и деяний великих личностей, которые определяли пути исторического развития народов и государств, – известна с античных времён. Неугасающим образцом эпического постижения истории художественными средствами, до наших дней остаётся «Илиада», созданная Гомером, предположительно в IX – XVIII в. до н.э., впервые записанная в VI в. до н. э. Высочайший взлёт эпическая поэма – как комплекс средств художественного отражения гражданского пафоса и возвышенного воспеваания героев – получила в эпоху классицизма.

Русская поэзия XVIII века – во времена, когда оформлялось национальное самосознание россиян, – устремилась к эпической поэме как учительному средству опознавания национальной истории в современности. Этот сложнейший к исполнению жанр поэзии был тогда объектом самых высоких творческих порывов. Василий Тредиаковский стал первым, кто написал эпическую поэму на русском языке. И хоть его «Тилемахида» (1766) не решала проблему русской национальной эпопеи (поскольку являлась лишь стихотворным переводом романа Фенелона о Телемаке), но ею был выкован русский гекзаметр – поэтический инструмент для освоения античного опыта эпической поэзии через русские переводы. Несколько начинаний русских поэтов – поэмы Антиоха Кантемира «Петрида» и Михаила Ломоносова «Петр Первый», «Дмитриада» Александра Сумарокова, поэма о Смутном времени «Освобождённая Москва» Василия Майкова и другие, – как следствие сложности творческого исполнения национальной эпопеи, остались незавершёнными. Первый удавшийся опыт национального эпоса, утвердивший её канон в русской поэзии, – это «Россиада» (1779) Михаила Хераскова.

Первая русская эпическая поэма, хоть и родилась в русле европейского классицизма, имела своё национальное лицо. Её автор дал ей чёткое определение: «Эпическая поэма заключает какое-нибудь важное, достопамятное, знаменитое приключение, в бытиях мира случившееся и которое имело следствием важную перемену, относящуюся до всего человеческого рода...». И что ещё важнее, поэт конкретно обозначил, кому предназначается эпическое слово: «Читатель! ежели, преходя все <...> бедства нашего отечества, сердце твое кровию не обливается, дух твой не возмутится и наконец в сладостный восторг не придёт, – не читай мою «Россиаду» – она не для тебя писана – писана она для людей, умеющих чувствовать, любить свою отчизну и дивиться

знаменитым подвигам своих предков, безопасность и спокойство своему потомству доставивших».

Херасков не случайно – в годы ожесточённого русско-турецкого противостояния за Крым – избрал достойным для эпического освоения важнейшее свершение национальной воли двухсотлетней давности – покорение Казани (1552), которое представил как поворотное событие российской истории, завершившее длительную зависимость нашего государства от монгольского ига и открывшее Московскому царству путь к имперскому историческому творчеству, которое развернулось на восток, к государственному объединению народов Урала, Сибири и Дальнего Востока.

И автору «Россиады» действительно удалось показать, что Казанский поход Ивана IV совершался не ради исторической мести или порабощения народа-иноверца, а ради создания государственного единства с ним и с другими соседними народами на условиях христианского и мирского славянского братства. Так, автор «Россиады» эпическими средствами выявил, что в основе русской самобытности лежит принцип соборности, сочетание свободы и единства многих людей на основе их общей приверженности абсолютным ценностям – Богу, Царю и Отечеству, – принцип, утвердившийся в процессе многовековой общинной жизни славянства (ещё до принятия христианства). «Россиаду» Хераскова не случайно называют «настоящим художественным прорывом»: в ней впервые в русской литературе было исполнено каноническое требование, сформулированное ещё Аристотелем, – единство и целостность изображаемого действия. Апофеозом философского смысла «Россиады» стало показанное в ней сооружение Святого алтаря в центре Казани, которое символизировало и христианскую высоту этого государственного деяния, и победу Добра над Злом. Несмотря на снижение художественного статуса эпопеи Хераскова последующей критикой, в наше время «Россиада» всё больше осознаётся как полноценное, никем не превзойдённое по грандиозности эпическое произведение, прозорливо указавшее на судьбоносность покорения Казани как точки отсчёта нового этапа в развитии Российской государственности и национального сознания: «Из круга сих времян спокойных лет начало, как светлая заря, в России воссияло». Так высочайший с древнейших времён жанр поэзии был покорён русским поэтом, за что от современников он удостоился символического звания русского Гомера.

Эпическая поэма вплоть до 1830-х годов была популярным жанром русской поэзии. Однако это было лишь подражанием Хераскову («Героида» и «Сувороида» Завалишина, «Пётр Великий» Шихматова, «Петриада» Грузинцева и др.) А после трагического итога декабристского движения, когда проявились глубокие противоречия между государственным устройством России и развившимся личностным самосознанием образованной части общества и обострения проблемы стихии и цивилизации в русской истории, эпическая поэма в каноническом всеохватном виде – как художественное представление условий утвердительного развития нации – потеряла основания для своего существования. Национальная мысль встала перед экзистенциально важной задачей: найти идейные и нравственные ценности, которые бы собрали русский мир воедино и обезопасили от внутренних катастроф его историческое движение. В XIX веке творцам эпоса нужно было выйти на путь преодоления противоречия между государством и человеком и указать в новых условиях средства развития нации. В русле разрешения этой задачи и происходила трансформация эпической поэмы в новые виды лиро-эпических жанров. Как определяет современное литературоведение, парадигма нового русского национального эпоса была задана историософской мыслью Пушкина, наиболее ярко проявившейся в поэме «Медный всадник» (1833). Пушкин показал художественную плодотворность преодоления большой дистанции между прошлым и настоящим, а также необходимость и возможность эпического осмысления событий ныне свершающихся или из недавнего прошлого; он заменил традиционное понятие внешней беды (войны) как главного события исторического процесса на внутреннее противоречие национального бытия; в картине жизнеустройства страны поэт сумел совместить правдивое изображение проблем нации с поиском путей спасения русского мира и человека; принципиально развил представление о герое эпоса, представив в центре исторического мироосмысления простого человека; впервые обозначил онтологический вопрос о высшей цели государства – о человеке и о милосердии власти. Ныне замечено, что это соответствует и Книге Бытия, и святоотеческой традиции. Во второй половине XIX века концепцию истории в парадигме, близкой к пушкинской, но в прозаическом произведении – романе-эпопее «Война и мир» (1869), разработал Лев Толстой. Пребывая на позиции стихийного понимания истории, Толстой показал в

реалистических красках стихийное бессознательное народа – традиционную русскую общинность – как средство утвердительно бытия русского мира.

К началу XX века, в условиях невероятного усложнения и ломки в мировом развитии, в русской, как и во всей мировой литературе, наблюдается утеря целостности поэтического видения. Поэтам стало важнее передать не трудноуследимое единство в движении событий, а их эмоциональное восприятие. В этих условиях поэма становится знаком невероятной душевной причастности к судьбоносным событиям и превращается из лиро-эпической в чисто лирическое произведение. Традиция же эпического осмысления хода времён переместилась в русло развития различных форм прозы. XX век русской литературы научился говорить об исторической стихии более сложным художественным языком, творчески преобразующим накопления предыдущих веков. Традицию эпического представления судьбоносных событий отечественной истории в художественной прозе, утвердившуюся романом Толстого «Война и мир», продолжили и развили писатели не менее масштабного эпического мировидения: Михаил Шолохов, прозревший в романе «Тихий Дон» (1925 – 1940) революцию и Гражданскую войну как очередное смутное время России, когда участникам противостояния выпадает пережить «высшую нравственную трагедию»; Алексей Толстой, блистательным русским языком изобразивший в эпической трилогии «Пётр Первый» (1934 – 1945) диалектику плавного перетекания одной эпохи в другую; Максим Горький, представивший в романе «Жизнь Клима Самгина» (1925 – 1936) поиски путей развития нашей страны через осмысление корневых вопросов отечественной истории. Но этот жанровый ряд нельзя назвать многочисленным. Утеря целостности мирообраза, характерная для века жестоких испытаний человечества, вызвала к жизни средства фрагментарной лепки картины мира и национального бытия посредством циклов малых эпических форм в прозе (новелл, рассказов, повестей). В разработке и больших и малых эпических форм XX века рождался качественно новый опыт эпического мышления. Начиная от модернистских шедевров Андрея Белого до пронзительной «деревенской прозы» Фёдора Абрамова, Валентина Распутина, Василия Шукшина, Виктора Астафьева, Василия Белова шёл интенсивный процесс уточнения в понимании национального характера и национальной судьбы российского народа.

Как средство гармонизации существования человека и общества, потребовалось новое осмысление неразрывности духовного и материального начал жизни. Полифонизм повествования складывался через рецепцию категорий античного эпического мышления: «вечное» и «временное»; мир «верхний» и мир «нижний». Образную сложность бытия литература XX века училась передавать через синтез множества символических форм мировосприятия: античных, ветхо- и новозаветных мифов в сочетании с фольклорными. В этом эвристическом процессе авторская речь получила широкие возможности для развития: преодолевалась отстранённость автора от изображаемого; развивались формы авторских лирических отступлений, монологи с самим собой и с несуществующим собеседником и др. Исследование судьбы русского мира всё чаще осуществлялось через отношения автора с конкретным пространственным локусом страны, в сущностном ракурсе геопозитики. В результате новых достижений в средствах авторской речи лирическое начало стало отчётливо выраженной чертой эпического письма русских поэтов и прозаиков.

В наше время, как и в русской литературе XIX – XX века, эпическая поэма в своём классическом, объёмном и развёрнутом, виде тоже не практикуется. Но даже в условиях торопливого образа жизни современного человека национальное сознание по-прежнему полнится запросом эпического осмысления и отражения всё усложняющихся судьбоносных процессов истории.

Роман-поэма Валерия Митрохина «Юго-Восток» как раз и воспринимается неординарным художественным откликом на этот экзистенциальный запрос, ибо этот отклик творчески синтезирует многовековые накопления русской литературы и являет собой опыт современного освоения рационально необъяснимой исторической стихии мощными традиционными средствами художественной эмоции и поэтического провидения.

***

Эпическое повествование о нынешней беде славянских народов включает все её основные проявленности: развал 90-х, разъединённость и возвращение Крыма в Россию, начало противостояния Донбасса и начало российской спецоперации по защите Донбасса и преодолению разрушительных сил славянского единства. Но самое удивительное в этой работе поэта даже не объём освещаемых событий и процессов, а перманентный процесс преобразования политических

событий в эпические. Наблюдателем и участником многосерийной панорамы метаморфоз и становится каждый читатель этой книги.

Избирая объектом поэтического осмысления ныне свершающиеся события, Валерий Митрохин утверждает новый уровень возможностей накопленного в русской литературе потенциала эпосотворчества. «Юго-Восток» воспринимается как прецедент возвращения в поэму характерной для эпопеи конкретной событийности. И хотя это драматические перипетии нашей эпохи, поэт не уводит повествование в публицистическое русло, являя высокое искусство поэтического слова, когда явления и факты становятся составной частью художественного пространства. Авторский анализ событий, еще не интерпретированных исторической наукой, состоит, в первую очередь, в их соотношении с мировоззренческими факторами. Поэт выступает здесь как художник-реалист, ищущий глубинную правду жизни, выявляющий незримые сущностные процессы, устанавливающий фокус для современных наблюдений извечных форм исторического движения и их авторских номинаций. Вот, к примеру, митрохинский образ гражданской войны: *«Она и непроглядна, и черна. / На женщине кровавое распятие. / И плоть её сквозь камуфляж видна. / Она – пьяна. В устах её – проклятие. / ...Так выглядит гражданская война»*. А вот авторское сакраментальное резюме о современном западном мире: *«...Господи, закрой окно в Европу!»*. Чётко обозначена и позиция автора в понимании роли Провидения в отношении разрушительных сил традиционного строя жизни народа: *«Тот кораблик злая сила / Вольной жизнью наградила, / Чтоб себя он чувствовал легко. / Но за это уводила / От родных причалов далеко. / Так <...> грехопадение / Укрощает Провидения рука»*. В параметрах митрохинской поэмы, потеря Родины – провиденциальное наказание всех соблазнённых непомерной вольностью...

Художник уточняет и углубляет оценки смыслов этой войны: он не молится за скорейшее её окончание, он уповает на упорство, укрепление и организованность праведных сил. Иначе зло не победить: *«Чтоб зло убить, / Нужна отнюдь не злость, / Необходимо было на своём / Стоять. И сотни килотонн, / Чтоб проломить бетон / Бандерообороны. / Чтоб схованки и схроны / Порухить до конца. / Чтоб враг до Ингульца / Бежал что было духу. / Чтоб поперёк Донца / Прошёл, аки по суху, / Тяжёлый русский танк...»*.

А настрой сил Добра на победу в противостоянии Злу в этой войне оценивается как участие России и всего славянства в чистке мира: *«Держи меня, Господняя десница! / Дыши огнём, стальная колесница. / Удары боя отражай, броня. / Пусть под напором стали и огня, / Как Феникс, возрождается Жар-птица. / Пускай её архангельское пламя / Испепелит бандеровское знамя; / Пусть, словно Христо-Матери альбедо, / Очистит Мир Великая Победа...»*

Дальнейшее накопление читательских наблюдений приводит к обоснованному пониманию, что и по объёмности и по развёрнутости эпического изображения явлений и событий поэма Валерия Митрохина, несомненно, соответствует классической эпической поэме, не исполнявшейся в каноническом виде уже более двух столетий. Традиция включения лирического начала в эпическое осмысление была заложена ещё в «Россиаде». Но если в классической эпопее лирическая составляющая могла быть представлена фрагментами внутри повествовательного контекста (например, вставными рассказами о личной судьбе действующих героев или отдельными рассуждениями автора), то все описания в сочинении нашего современного поэта просто окутаны художественно отражёнными авторскими чувствами, вскрывающими его отношение ко всем описанным фактам, явлениям и событиям. И всем понятно, почему это происходит: не может поэт, лично причастный к судьбоносным событиям истории, не нарушить каноническое правило их отстранённого описания, ведь он пишет *«по живому»*: *«Не могу я это горе пережить. / Боль, что разум кроет мглою, / Даже тонкою иглою / По живому не зашить. // Нет ответа. Смотрит немо / На меня моя поэма. / Всё лицо её в слезах. / Меркнет свет в моих глазах...»*. И весь текст поэмы настроен на чётко обозначенную творческую телеологию – чувственного переживания отечественной истории ради крепости духа:

Сквозь наши сердца
Без конца
Тянет свою путеводную нить
История-мать.
Мы эту память должны беречь,
Как бы нам ни было больно.
Вольно или невольно
Помнить и поминать,

Святоотеческий долг понимать
И на себя принимать.
Сердцем хранить
Путеводную нить
И никаким силам не дать
Эту наследную связь оборвать.

Поэт демонстрирует здесь творческую преемственность с достижениями небесстрастного отечественного эпосотворчества, но с той особенностью, что его лирический арсенал кажется неисчерпаемым.

Нетрудно заметить, что каждая глава романа – по смысловой ёмкости и художественной оконченности – может быть прочитана как отдельная поэма, в основе которой – эмоционально представленная зарисовка, новелла или медитация о какой-то грани данной масштабной исторической драмы. Но, тем не менее, все вместе главы читаются как единое произведение. Одной из мотиваций читательского внимания может стать желание определить, что же скрепляет эти главы, способные жить самостоятельно, в единый монолит романа-поэмы?.. Здесь читательской эмпатии представляется возможность уловить тонкие смысловые нити, связывающие событийный и медитативный слой авторской речи.

Такая нацеленность читательского интереса поможет рассмотреть позицию поэта в оценочном наблюдении явлений и процессов, духовным основанием которой, несомненно, является его глубокая связь с аксиологическим контекстом христианского миропонимания: поэт постоянно акцентирует эту позицию то ссылками на Святое писание, то непосредственным обращением к Богу. И называет это родившееся глубоким внутренним трудом размышление своей *«Книгой Бытия»*. Обращение к библейским мотивам традиционно в эпическом осмыслении русской истории и русского человека. Как трудно представить без евангельских аллюзий нашу *«Россиаду»* или эпические идеи, например, в произведениях Булгакова, так естественно воспринимаются эпитафии и ссылки на Святое писание в романе-поэме Валерия Митрохина. Поэт на событиях противостояния наших дней показывает, что в годы войн обостряется битва дьявола с Богом и обнажается трагедийная основа человеческой жизни. То есть *«Книга Бытия»* Валерия Митрохина отнюдь не стилизация библейских истин, а знак пронизанности авторского взгляда православной мудростью, как раз и позволяющей упорядочить изнутри хаотические проявления истории и жизни, синтезировать эмоциональные и мировоззренческие параметры произведения. Вот, к примеру, как, через молитву мученика Иова, автор представляет эпицентр славянской дисгармонии: *«Круг разорвался – / Он просто взорвался / И все изувечил вокруг. / Время пошло, / Разбежалось пространство, / Аннигилировалось Постоянство. / Много ещё и другого случилось. / Зло, например, на Добро ополчилось, / Свет – против тьмы, / А Тепло – против холода, / И в жерновах бесконечности смолота / Троица: вера, надежда, любовь. / Как нам вернуть всё на круги, / Думайте, думайте, други! – Молится мученик Иов!»*. Поднимая молитву Иова высоко над привычным представлением уровня забот этого героя известной библейской притчи, поэт подаёт знак читателям, что речь пойдёт о беде отнюдь не семейного, а вселенского масштаба – о разрыве *«круга»* традиционных ценностей (*«разбежалось пространство, аннигилировалось Постоянство»*), без которого будущее славянских народов не просматривается. Так автор вводит свой рассказ в сферу экзистенциальных проблем православного мира. При этом поэт видит не только деяния распоясавшегося Зла, но с первых строк заявляет свою устойчивую позицию борца со злом во имя жизни, с опорой на свою веру: *«Сын Божий говорил нам: “Аз воздам!” / Мы со звездой идём, молясь звездам. / Мы, празднуя бессмертье, торжествуем – / Мы, славя Бога, продолжаем петь – / Мы Рождествуем...»*.

***

А главным энергетическим источником художественных эмоций создателя этого современного эпоса видится его глубинная связь с родной крымской землёй. В XX веке русская литература явила миру дивную способность геопозитического восприятия мира. Валерий Митрохин – один из художников слова, чья поэтическая мысль, восприняв актуальность пространственного миропознания, оказалась способна к невероятно чуткому восприятию излучений родной земли и теперь фонтанирует их животворящей силой. С первых строк автор-повествователь обозначает свою крымскую идентичность (*«бежал я, охваченный дрожью, по Крымскому бездорожью»*) и Крым как место изначального импульса к поэтическому размышлению – в путешествии по

бытийным испытаниям: «*в треске оглушительного грома...*». Начиная своё повествование такими метрами, поэт как бы объявляет ключевую позицию всех своих наблюдений и земную точку отсчёта своих ценностных деклараций.

Поэт подробно представляет свой край читателям, помещая его то в свои воспоминания («*Господи, Боже мой, снова я дома!*»), то в слоистую драму истории: «*Бессчётно костей в этой гуще бульона, / Кровавых набегов, страданья полна / В глубинах своих затаили века*». В течение повествования он держит Крым на постоянной связи, обретая всё новые ракурсы вникновения в заявленную тему. Номинируя Крым «*всехней землёй*», поэт вдохновенно напоминает об интернациональности созидания крымской истории, о стоической сущности этого земного локуса: «*У Крыма – лицо, не личина. / Он крепкий боец-мужчина. / На облике древнего Крыма / Ни пудры, ни краски, ни грима. / У Крыма лицо пилигрима, / Татарина и караима, / Наследника вечного Рима, / А также Иерусалима. / Есть в лике его благородца / Великого новгородца, / Что шёл по засечным равнинам, / К Сугдее за князем Бравлином, / Торил ещё в кои-то веки / Путь “из варяги в греки”*». В повествовательной плоти эпоса Крым несёт в себе особый свет – как место вхождения христианства на Русь: «*Однажды с высоты небес / Господь сошёл на Херсонес. / Велением небесных сил / Владимира крестил / И всех за всё простил...*». Более того, Крым, называемый Русским полуостровом, изображён как образ реальной точки на исторической магистрали, по которой струится неисчезающая духовная связь христианских земель: «*У нас на всех один синклит... / От Сирии, где христианству / Начало Павел положил, / И через Русский полуостров, / Что исходил Андрей-апостол / Как пилигрим и старожил. / На перекрёстках христианства / Исчадья каждый раз опять / Пытаются Христа распять...*». Не случайно Крым для поэта – это ритуальное место молитвы. И как апофеоз авторского крымцентризма – обозначение Крыма точкой опоры в мироустройстве: «*О, Архимед, живи в моём краю, / Построй здесь дом и разожги очаг! / Ты здесь найдёшь и точку, и рычаг, / Как я, полюбишь Родину мою*».

Автор также проводит читателя через основные исторические моменты сращения Крыма с Россией в единый социально-культурный организм, не подлежащий разъединению. О многом расскажет читателю этот пронзительный монолог автора (крымчанина по рождению и месту всей жизни) в пору государственной неприкаянности Крыма, когда он бедовал пристёгнутый к Украине:

Озарён, озадачен, уверенно,
Как всегда, просыпаюсь чуть свет.
Жив-здоров, сердце бьётся размеренно,
Всё в порядке,
Лишь Родины нет.

Город стар, но стоит себе прочно.
Простоит ещё тысячу лет.
Но душа, как всегда, как нарочно
Тихо шепчет:
«Ведь Родины нет!»

На путях, где пророки распяты,
Запустенье, беспамятства суть.
Нет, наверно, страшнее расплаты –
Понимать, что Её не вернуть!

Выражение душевной боли крымчанина украинской поры постсоветской истории часто набирает афористическую высоту: «*Благослови Россию, Боже, / И дай нам услышать твой ответ, / Поскольку ничего дороже / У Крыма не было и нет!*».

Особенный суггестивный эффект создаёт контраст печальных переживаний автора с былинным описанием эпизодов из истории восстановления российской государственности Крыма в 2014 году: «*Миллионер-интересант / Собрал карательный десант. / С головорезами майдана / Идя на Крым, пришёл в Херсон. / Там разгрузился эшелон, / И в Крым пришёл состав пустой. / Такой отстой! / Стоп-кран сорвали потому, / Что им готовило в Крыму / Сотысячное ополчение / Совсем невкусное печенье. / Крымчане на перроне стали / Плечом к плечу, щитом к щиту – / Все из легированной стали. / Я видел эту красоту!*». Читая главу «Земляки», написанную тем же

чарующим былинным слогом, читатель окупётся в атмосферу чудесного крымского события: *«Повязав георгиевский бант, / В Крым вошёл российский “оккупант”. / Стал на перекрёстках всех дорог. / Многие молились: “Бог помог!” / Положив постылому бездолю / Раз-и-навсегдательный предел, / Оккупант наш оттого балдел, / Что его встречают хлебом-солью / Русские сепары, / Греки и болгары, / Коренные жители татары, / По другому, крымцы и крымлы. // А еще из вековечной мглы / Сквозь броню незримых средостений / Шли к нам тени прошлых поколений, / Чтобы с нами праздновать Байрам, / Чтобы с нами праздновать Пурим, / Чтобы строить общекрымский храм – / Делать всехним полуостров Крым»*. Здесь нелишне вспомнить, что явление чудесного – это обязательное правило классической эпопеи. Как видим, здесь наш поэт снова не погрешил против канона.

Именно на такой стратегической позиции, которая открывает волнующие взрывы истории, автору удаётся создать живописную картину своего эпического видения. Как фирменная митрохинская метка поэтического письма являет себя здесь внутренняя связь лирической тональности повествования со смыслоизлучениями родной земли. Эта связь, особенно глубоко вошедшая в идейную плоть нашей литературы вместе с SOS-зовами «писателей-деревенщиков», у Митрохина имеет беспрецедентное эпическое звучание. Геопозитические восчувствия автора, на всех этапах движения поэтической мысли, выступают как камертон жизненной правды и небесной истины: по крымской партитуре автор книги выверяет чистоту звучания своих поэтических рефлексий всей российской истории. Ведь поэзия Валерия Митрохина выросла не только в аскетичной восточно-крымской природной полосе, трогающей самые потаённые глубины человеческой души, но и во вразумляющей атмосфере Крыма как экзистенциального рубежа Российской государственности, на котором взрастала её мощь и возносилась ввысь русская вера, на котором провиденциально просвечивает историческая судьба России, ибо не однажды на крымском юру российская история и обрывалась, и обретала новые пути к развитию.

Да, несомненно, геопозитические осознания автора, вскормленные слитностью души с природным аскетизмом его земной родины – керченского юго-восточного междуморья Крыма, и являются живой осью всей событийной панорамы эпоса. Так, именно от внутренне утвердившейся крымской причастности к героической истории России поэт смог органично войти в тему сопротивления многострадального Донбасса.

В поэме без сомнения ощущается и внутренняя переключка юго-востока Крыма и Донбасса, юго-востока Украины. В пору постсоветского безвременья эти русские земли чётко рифмовались геопозитическими смыслами своей судьбы – находиться географически в непосредственной близости к России и быть разделёнными с ней искусственными границами, острее всех других земель ощущая отрезанность от духовной родины.

***

В процессе чтения смысловые границы поэмы постоянно расширяются. В первую очередь, путём наследования автора традиции русской эпической поэмы воссоздавать словом реальный исторический контекст эпохи. Небезынтересна параллель с «Россиадой» Хераскова, где предметно показаны явления внутрироссийской жизни XVI века, когда, по слову автора, наше государство было «внутренними беспокойствами раздираемое», «иноверцами поработщённое», «собственными вельможами расхищаемое». Аналогичная проблематика нынешних несообразностей нашей жизни живописно отражена и в эпосе современного поэта.

Так, современная Украина входит в повествование в пространном ряду дисгармоничных явлений страны и мира, выраженных красноречивыми образами: *«Расстроилось пианино / По имени «Украина»... / <...> / Обиделась Украина / На Переяславскую Радугу, / <...> / И кричат марионетки: / «Хто не скаче, той москаль!»*. Здесь же поэт вдруг вспоминает о событии далёких времён Киевской Руси – вероломном убийстве княжеских сыновей Бориса и Глеба подданными их брата, Окаянного Ярополка, как бы нечаянно обронив в читательское сознание своё понимание языческой природы трагедии братоубийства: *«Ищу ответ в себе (совсем неглубоко он), / К языческой горе железами прикован, / В тоннелях славы, в подземельях власти, / В подвалах, что от золота темны!»*.

В ходе внимательного чтения становится понятно, что к месту ключевого события этого произведения – юго-востоку Украины – Донбассу поэт продвигается медленно, из разных географических мест и проблемных точек российского и мирового пространства: от изменчивости судьбы народов, от искривлённых исторических зеркал Украины, от языческой природы братоубийства, из онтологической противоречивости человеческой жизни, от крымской

причастности к героической истории Отечества... Донбасс входит в смысловое поле повествователя, как бы ненароком выныривая из необозримого калейдоскопа бытийной проблематики страны и мира, и из души поэта, переполненной тревожными ассоциациями: *«Я на скифском кургане – седой истукан; / Я – богатством напуганный Нобель; / Я – Освенцим, Гулаг и Чернобыль; / Я разорванный взрывом свинцовый стакан; / Я – в степи Вопиющего глас; / Я – растерзанный хунтой Донбасс».*

Постепенно история в поэме Митрохина прорисовывается во всей своей сложности. Хорошо видно, что это не простая причинно-следственная цепь событий, а многовекторная драма, к пониманию смыслов которой поэт и ведёт читателя, не умозрачительно, а пользуясь приёмами драматического искусства: сталкивая на бытийной сцене различные позиции и взгляды. Читатель становится свидетелем переплетения происходящего сегодня с событиями иных времён, в борении различных взглядов и оценок, получая ясное представление об их исторической обусловленности.

Способность автора создавать широкие исторические контексты позволила ему выстроить в поэме исторический фон вечного противостояния славян коварству Западного мира. Особый акцент – на исторических вехах предательского падения Киева под давлением Запада: *«...Знали мы, что Верховная Рада / Покупала измену у них. / Ей вводили исчадия ада / Наркотический яд заманих. // И скакали визгливые бесы, / И кричали: “Убей москаля!”, / И от Киева до Одессы / Чёрным дымом дышала земля. // И на поле её Куликовом, / И по руслу Каялы-реки / Стала фактиком пустыковым / Жизнь, разорванная в шматки. // И пошли по всему Приазовью / Жля и Карна карать и жечь. / И упился народною кровью / Правнук твой, Запорожская сечь».* В проницании упоминаемых в эпосе мест и событий ретроспективными ассоциациями, вероятно, родилась у поэта и эта мантра о губительности униатства для душ православных: *«Православию враг – униат / Сладким ядом тлетворных идей / Ввергнул в ад златокупольный град. / Это он – изощрённый схоласт, / Словно червиль, проник в душу нации: / “Кто за всё мне душою воздаст, / Избежит мировой изоляции!...” / <...> / Режиссируя в этой драме, / Адский жрец пролил кровь между нами, / И расплавил в полёте свинец, / И обрушил мозаики в храме...».*

Центром эпического сюжета противостояния сил Добра и Зла и является сопротивление Донбасса националистическому насилию Украины. На фоне украинского предательства Донбасс выступает оплотом православной нравственности.

Не однажды в пространных подходах автора к описанию конкретных фактов читатель почувствует некий поток сознания, издаലെка напоминающий образ мысли английского писателя Джойса в его романе «Улисс». Но у нашего автора подобные медитативные потоки неизменно взрываются яркими аксиологическими откровениями, которые и есть тот характерный эффект вулканической митрохинской повествовательности, рождающейся в слиянии медитативной и эпической мысли. И вот в какой-то момент специфического движения такой мысли Донбасс из юго-востока Украины встаёт во весь гигантский рост ЮГО-ВОСТОКА как национального символа верности многострадальному русскому миру, его духовности и нравственной высоте. В этот момент в читательской душе устойчиво поселяется обоснованная убеждённость, что ЮГО-ВОСТОК – это исконная российская земля в сиянии вечных ценностей как защитных сил её народа, неотделимая часть России, за которую российский народ не мог не вступиться:

Судьбой обугленный Донбасс!
Не это ли и есть нетленный,
Для смертных неприкосновенный
Высоконравственный запас?!

Тектоносфера верхней части мантии,
Здесь генерирует иной менталитет –
Без националистской грехомании.

Донбасс – месторождение людей,
Которым не опасен асмодей.
Противу нечисти у них иммунитет.

Здесь сформирован камень высшей пробы –
Исчерна-ослепительный кристалл,

Исторический контекст всё больше прорастает в глубокое бытийное измерение. Нетрудно почувствовать, что повествование поэмы пронизано духом народного восприятия хода времён, близко к толстовской формуле: «Нет величия там, где нет простоты, добра и правды». Именно через эти категории поэт показывает величие своей страны и своего народа. В главе «Как мы дальше будем жить», в образах главных бытийных ценностей, утвердившихся бурной 1000-летней историей страны, обозначены точки опоры для одоления любой беды: *«Сами, значит, мы ответим / Всем на свете, тем и этим, / Как нам быть и с кем дружить, / Как мы дальше будем жить. // Есть у нас родная речь. / Есть у нас отцовский меч. / Есть кого и что беречь, / Есть страна и эта печь. // Грех всем этим пренебречь! // Остаётся ставить свечки, / Да на Бога уповать / И от этой самой печки, / Как ведётся, танцевать».*

А самые неразрешимые проблемы национальной истории поэт рассматривает через просторечные высказывания, и даже словами «нарочитой наивности», созвучными народной мудрости. При этом он не обходит острые моменты народного восприятия отечественной истории, которые помогают расшифровать национальный код российского народа. К примеру, поэт исследует противоречивый эффект явления Сталина и народной к нему любви, который в моменты развала и смуты снова даёт о себе знать: *«...плачется народ: / “Нет порядка! Нужен Сталин! / Он бы властное ворьё, / Он бы всякое жульё... / К стенке быстренько поставил. / Потому-то, ё-моё, / Всё исправить мог бы Сталин!” / Вот какой у нас народ – / Ходит задом наперёд».*

***

В режиме такого обширного и многомысленного живописания поэмы появляется уникальная общероссийская событийная панорама, а поэт воспринимается как произвольно подчинённый сразу двум стихиям: истории и поэзии. Каждая из них открывает путь к другой. В этом русле поэту удастся передать своё откровение о том, что эпическое письмо людям он пишет по Божьему призыву, ибо лишь поэт, созерцая настоящее, может встать перед будущим: *«Я стою перед будущим нашей земли. / Я молю Тебя, Господи, внемли, внемли. / <...> / Ты меня забираешь смотреть с высоты, / Как планету мою переделаешь Ты? / Как при этом улучшишь её...».*

Невозможно не почувствовать лирической настрой поэмы как знак душевной причастности поэта к описываемым событиям. Местами авторское письмо напоминает поэтическую стенографию болевых точек души поэта. Поэт находит честные – горестные и прискорбные – слова, чтобы проникновенно сказать о самом страшном деянии войны Украины против Донбасса – смерти детей:

Стезями божьими подробными
Уходят дети в небо первыми.
Уходят ангелоподобными –
Их скорбный путь усыпан перлами:

Сверкающими чебрецовыми;
Гремящими негромким шорохом;
Стальными, пахнущими порохом;
Трассирующими, свинцовыми...

Дорожки-стёжечки и тропочки
По краешку околовертному
Пятнают пяточки и стопочки –
Следочки по песку бессмертному.

Уходят в небо наши деточки:
Цветочки, светики и светочки.

И сверху им до дна
Видна
Международная
Вина.

Поэтическая весть о милосердии очень характерна для русской эпопеи. Уже в «Россиаде» Хераскова, обращают на себя внимание не только сцены героизма русских воинов, но и их гуманность к врагу, как только враг повержен. Запоминается реакция русских на действия «казанцев», которые, чтобы не переживать позора, начинают убивать «брат брата, сын отца» кинжалами: «Бесчеловечное такое видя действо, / Российски воины забыли их злодейство; / Ко избавлению враждующих текут, / Вломившись в тесноту, из рук кинжалы рвут... / Хотящих смерти их от смерти избавляют...».

Наш поэт показывает милосердие православного человека в сложных бытийных коллизиях. В исторических реминисценциях поэт не пропускает и те события, которые труднопереносимы для его чувств. Неординарное усиление мотива милосердия приносит эпосу упоминание выселения малых народов Крыма в 1944 году: «Печаль обнимает мне душу, / Как бицепс манжета. / И жмёт, словно докторша грушу, / И давит, и пульс мой за сто... // Я знаю мой грех. И расплаты не трушу; / Ведь я понимаю – за что».

Абсурдность военного противостояния славян проявляется во множестве авторских откровений и средств высказывания. Душевно же он пребывает между осознанием греховности братской войны («В себя стреляя, поступаем плохо, / Стреляя в брата, мы стреляем в Бога») и праведностью защиты братьев в Донбассе: «Просыпайся! Хватит спать! / Поднимай святую рать. / Где, вы русские колоссы?! / Где извечная родня?! / Погибают новороссы, / Дети нашего народа, / Землю предков бороня. // <...> // Разве большие не славяне / Мы, потомки тех племён? / Разве мы не россияне, / Разве нас не легион?! // <...> // Мы с тобою, новоросс! / С нами слава Святослава, / Вся великая держава, / И Владимир, и Христос».

Невероятная жестокость украинских националистов становится серьёзным испытанием авторского милосердия. Порой поэт не находит в себе христианского великодушия, чтобы пожалеть украинских братьев в их разгуле жестокости: «Ветхое языческое слово / Достаяю из времени былого, / Коим аз молился и не раз / В дни, когда исчадья шли на нас. / Разреши, я вражью кровь пролью. / Разреши, я отомщу обиду! // ...Господи, “откуда ненавижду” / Тех, кому хотел сказать: люблю!».

Но именно в горниле православных чувств сострадания и вины за страдания других приходят к поэту первые знаки утверждения жизни: «Сама Вселенная нам говорит, что есть / Надежда человечества наследная – / Никто не скажет, может быть, последняя... / Вселенная даёт земле задание / Понять, как выжить через сострадание; / Что мир спасёт взаимная любовь, / Отнюдь не проливаемая кровь».

Вчитываясь в строки о неутихающей боли души поэта, ощущаем его необозримые лирические бездны...

***

У книги «ЮГО-ВОСТОК» есть много чего, за что читатель сможет прикипеть к ней душевно, и главное из этого: её автор нашёл язык, соразмерный и созвучный событийному материалу, о котором вообще трудно что-то сказать, не диссонировав высокой трагической сущности бытия. Но автору эпоса удаётся говорить об этом просто забываемыми словами, часто поднимаясь на афористический уровень: «Нет на свете таких индальгенций, / Отпускающих демонам зла»; «Всегда тем славен русский вой, / Что возвращается домой, / Хоть на щите, хоть со щитом, / Но во Христе и под крестом»; «Лишь словом тронул лиру, / Ты скажешь правду миру»; «Но у тебя, моя Россия, / Есть для меня анестезия: / Перетерпеть огонь и меч / Родная помогает речь»; «Не вытравить из нас наследный дух»; «Не может европейская порочность / Российский щит испытывать на прочность!».

В традиционном русле русской поэзии как поэзии смыслов, Валерий Митрохин идёт по своему привычному пути – принципиальной непрямолинейности поэтических размышлений (сказывается привычка давнего противостояния плоскому письму соцреализма) – по увлекательному лабиринту своей пытливой мысли, которая, преодолев ряд оплодотворяющих идейных рубежей, непременно найдёт новый ракурс во взгляде на известное. Активно работает на эту поэтику его редкостное умение сочетать незыблемые ценности с простыми образами и разговорными интонациями, в сопровождении смыслоёмких неологизмов:

Так божья коровка ползёт по травинке –
Всё выше и выше... На две половинки
Раскроет потом рюкзачок;

Так в небо взлетает прекрасный жучок;
Так медленно зреет великая мысль;
Так флаг поднимается медленно ввысь
Под музыку гимна, звучащую дивно;

Так плещется наш триколор интенсивно –
Двуглавно, кремлёвно, тавридно и крымно,
И так севастопольно, и черноморно...

Словам этим тесно и чувствам просторно,
И так долгожданно, и так событийно,
Торжественно так и валторно;
Христосно и хрестоматийно!

Поэт владеет специфической лирической формой обращения и разговора со всеми участниками исторического процесса. Вот так он обращается, как крымчанин, к Украине: *«Ни вины нет у нас пред тобою, ни долга, / Ни обиды, ни ложного даже стыда... / Мы в Россию стремились серьезно и долго, / Мы с тобою расстались совсем, навсегда!»*. К президенту нашей страны Владимиру Путину поэт обращается как к древнему русскому герою Путяте, тысяцкому Киева при князе Владимире Святославиче: *«Мы говорим: “Держись, Путята, / Все до последнего солдата / За родину готовы к бою; / Уж мы пойдём ломить стеною, / Уж постоим мы головою...”*. И бесчисленное количество раз он обращается к Богу. То со смиренным признанием его величия (*«Мой Бог, я верил лишь себе. / Теперь, благодаря пальбе, / Я предаюсь мольбе / Тебе. / Я верил лишь себе, / А вышло, что Тебе»*), то с дерзкими жалобами в духе Иова: *«Ждать отмщенья Твоего нет сил. / Я об этом у Тебя спросил, / Потому что нестерпимо, Боже, / Видеть, как посланцы сатаны / Губят достояние страны, / Беззащитных стариков и чад, / А Твои Архангелы молчат...»*.

Среди оригинальных художественных приёмов, отражающих идейные позиции поэта, отметим смешение языков в тексте. Центонной цепью выглядят украинские вкрапления в сочетании с русским текстом поэмы. Этот необычный центон в каждом отдельном случае несёт в себе разные цели: то ироничные акценты на пустой пафосности современных украинских идиом (*«В пориві єдності нестримном»*), то, простой заменой русских слов, убеждённости автора в родстве и неотделимости славянских народов как и их языков (*«Пишов козак служит у вйсько...»*). Парадоксальное сочетание современной лексики с архаичной и специальной используется поэтом как ещё один действенный художественный инструмент синтеза времён и сакрализации смыслов.

Поэтика авторского реализма поддерживается ещё и стилем повествования, который воссоздаёт смену настроений живой жизни, когда после печальных размышлений о событиях приходят утешительные мысли, а потом учительные философские обобщения, как это хорошо видно в главе *«Мы все твои»: «Здесь найдут смертоносный конец / Все, кто лезет в Луганск и Донецк»; «С тем, кто тревожит русский дух, / Случается одно из двух: / Попав в надёжные объятия, / Он говорит: “Все люди – братья!” / Или же испускает дух...»; «Вдоль моря, гуляя по самому краю, / Я камешки нужные мне собираю. / <...> / Я их из прибоя как будто ворую. / Гадаю на камешках, их дешифрую. / И в каждом предвижу глубинный сюжет – / Семь бед и ответ, и Господний завет»*.

Приметными многозначными словами поэт запускает в повествование многослойность смыслов. Вот, к примеру, слово *«прядва»*. В авторском контексте главы *«Прядва»* оно звучит промежуточным названием современной реки Прядовки, которая нам известна как Непрядва времён Куликовской битвы; а в последующем тексте поэмы, на основе этой аллюзии на праведность и славу национального бытия, слово *«прядва»* употребляется в значении идейной «пряжи», позволяющей сберечь русское могущество в мире *«ереси и ржави»: «Теперь я стар, / Но не устал / Сукать святую прядву. / Из этой прядвы много лет / Я плёл жилет защитный. / Есть в нём священный амулет, / Таинственно зашитый. // Он душу мне помог сберечь / От ереси и ржави. // Пока он есть, латинский меч / Не сможет никогда пресечь / Успех моей державы»*. Из такой *«прядвы»*, часто присказками и приговорками, автор *«прядёт»* высшие смыслы: *«Словородина... Смородина – / Черна или Красна. / Я люблю тебя, страна – / Мать-Отчизна, /*

Мать честна!»; «Пахнет порохом корица... / Ни за что не покорится / Русь морозам и снегам / И, тем более, врагам».

Вдумчивое восприятие текста поэмы оставляет в душе ещё одно неустранимое впечатление: роман-поэма Валерия Митрохина – не просто эмоциональная медитация на трагических засеках Отечества – это выход чётко оконтуренной мысли в условиях неутраченного эмоционального напряжения вокруг нашей славянской беды.

Поэт сознательно работает со словом, углубляясь в древний слой языка и поиск новых словесных форм, дающих поэту живую связь с историей. Сам поэт номинирует эту работу как важную особенность своего художественного стиля:

Я составляю сборник слов
Из самых самовых основ;
<...>
Они – цветы родных полей.
Они – души бездумной мгла.
Они – в артерии игла.
Они – Путята и Добрыня
От века присно и поныне.
Они мои – и грех, и страх;
Они – победы пух и прах.
Они – моё живое семя.
Они – серебряное стремя
Ушедших навсегда времён
Сквозь смешанную кровь племён...

***

Все мои неологизмы
Я творю не для харизмы.
Я ищу следы Отчизны
В сочетаньях новых слов.

Авторская свобода владения словом порой кажется просто невероятной. Но главным секретом, который позволяет поэту пробиться к читательским сердцам, видится всё же его вера в способность читателей понять, каким образом простые слова становятся искусством слова:

Я тебя научу, как русскую речь
Построить.
И покажу при этом,
Как тебе стать поэтом,
То есть,
Чтобы стихи сложить,
Надо слова сдружить
И каждый предлог
Дыханием чувств удостоить.
<...>
Изведенное словечко
Наполнит твоё сердечко
Праздничным чувством,
И станет изящным искусством
Обыкновенная речь.
И вспыхнет настольная свечка,
И тень шелохнёт образа
И слёзы умоют глаза...

***

Развивая эпическую линию русской поэзии, автор книги расширяет подход к герою эпической поэмы. Восторгом и почитанием окутывает он рассказы о прославленных защитниках Донбасса.

Увековечивая их лидирующую роль в борьбе с организованным злом, поэт развивает античное понимание героя как личности особого склада, в которой кратно превышаются возможности человека. Но как узнаваема в поэме Митрохина и пушкинская гуманистическая высота, на которой он держит в фокусе своего внимания безымянных вершителей эпохи – участников исторического процесса, ищущих своего места в жизни, согласия с людьми, выхода к плодотворному созиданию; на этой высоте с особенной силой проявляется авторское сострадание к безвестным участникам противостояния стихиям бытия, положившим свою жизнь за справедливость и Отечество. Они «не представители номенклатуры», «не читатели поллитературы», «просто простяки соцреализма», «обычные совки социализма, которым забугорные химеры казались мифами веков не нашей веры»; и эти непафосные герои «трудились не за-ради льготы» и «явили доблести примеры».

Но главным героем, скрепляющим все грани исторического наблюдения видится сам поэт, автор эпоса, который нарушил классический канон уже тем, что избрал для осмысления ныне свершающиеся события, будучи причастным к ним. Наш автор предстаёт перед читателями в парадигме человека, глубоко связанного – своей верой и библейским знанием – с Богом, ведомый Его мудростью. Не она ли привела поэта к множественному осознанию себя в образах разных участников исторического движения (например: «Я спал с двустволкою в обнимку. / Я прикрывал отход десанта, / Ходил с друзьями на поимку / Бандеровского диверсанта...»), ради обретения объективной картины происходящего? При таком ролевом раскладе автор являет собой образ некоего коллективного героя эпоса, который способен возвыситься до уровня понимающего наблюдателя, способного прозреть горизонты происходящего, то есть войти во вразумляющий поток его онтогенеза.

***

Многое в этой поэме производит эффект неожиданности. Но едва ли не самое большое удивление наступает в момент осознания, как, при таком объёме произведения, оно не утомляет речевой монотонностью, читается легко и воспринимается как произвольное высказывание, похожее на разговорную речь?..

В своё время гомеровская «Илиада» покоряла людские сердца разных народов и времён размеренностью звучания стихов, написанных гекзаметром. Русские поэты эпохи классицизма использовали в эпических поэмах русские аналоги шестимерного слога гомеровских и европейских поэм: русский, дактило-хореический, гекзаметр (впервые разработанный Тредиаковским и опробованный им на практике в «Тилемахиде») и цезурованный шестистопный ямб (александрийский стих), которым была написана, к примеру, образцовая «Россиада» Хераскова. Сейчас хорошо понимается, что наблюдать события на многовековом расстоянии (как это было принято в ту эпоху) ёмким и уравновешенным регулярным стихом вполне органично. Но современный эпически мыслящий поэт, к тому же владеющий стихом краткого расстояния между словом и смыслом, не может говорить о непосредственно наблюдаемых трагических событиях затянутым, монотонно упорядоченным слогом. Тем более что сейчас, в век торопливости, произведения, написанные длинным стихом, из-за своей тяжеловесности вообще стали нечитабельными. И сегодня перед поэтом, задумавшим осмыслить и запечатлеть беду общенародного масштаба в новых исторических и культурных условиях, наблюдая её лицом к лицу, несомненно, встаёт проблема выбора формы высказывания – в иных по сравнению с классическим каноном ритмах и интонациях.

Валерий Митрохин всем предыдущим творческим опытом, был подготовлен к решению этой проблемы. И вот читатель имеет возможность наблюдать, как виртуозно поэт передаёт особенности эмоциональной речи, когда человек каждую новую реплику начинает с новым придыханием. Стихотворческий эффект потрясающий: каждая из выделенных автором реплик в своём стиховом ритме неповторима. Чередование ритмов не утомляет, а притягивает читательское внимание и приносит особое эстетическое удовольствие. Спонтанно живой рифмой, строящейся с опорой на непривычные и неожиданные в таком контексте слова, поэт добивается свежести и неожиданности звучания всего текста. Вот это использование рифмы как источника смыслообразования, вот это струящееся перетекание ритмов от привычной силлабо-тоники до искусной игры дольников и дают эффект неотразимого митрохинского слога. Графическая разрежённость или разорванность стихов работает с тем же эффектом: передаёт художественную эмоцию и поддерживает читательское внимание.

Наблюдая все эти реалии «ЮГО-ВОСТОКА», можем сказать, что поэт (в новых цивилизационных условиях) наследует «огненному пафосу» гомеровской эпической традиции. А его гражданские, исторические, духовные, метафизические, историософские мотивы в поэме «ЮГО-ВОСТОК», взятые в пронзительной лирической тональности и в невероятном разнообразии ритмов и рифм, отзываются богатейшему опыту национального эпосотворчества и звучат как многомерная и волнующая симфония.

Итоговый эстетический эффект чтения эпоса Митрохина – былинное впечатление непридуманности текста, безыскусности смыслорождения (при высоком уровне поэтического искусства), которые воспринимаются как важнейшие черты поэтики Валерия Митрохина. Поэтому выстроенная в былинном стиле поэма «ЮГО-ВОСТОК», несмотря на приметную пространственность, – увлекательное чтение. И читателю удаётся понять, что поэт достигает такого эффекта за счёт обновления канона классической эпопеи. Автору поэмы удалось найти эквивалент традиционному смыслоёмкому шестимерному слогу эпической поэмы (ныне нечитабельному в больших объёмах), а именно: эффект эпической повествовательности чередующихся разноплановых изобразительных картин и разнообразных стиховых ритмов. И этот арсенал современного эпического поэта выкован творческим применением традиционных достижений русской поэзии. Читателю же даётся возможность испытать чистой воды неотразимо звучащей русской речи, напоенной славным прошлым и не вымороченной иноязычием и абстракциями, отстраняющими от живой жизни.

***

Но к концу книги настигает ещё одно удивление – единством смысловой направленности разнообразного изобразительного материала, собранного поэтом. На наших глазах из пазлов описания событий и авторских рефлексий складывается жизнеутвердительная картина бытия России в её извечном стремлении к Богу и справедливости: всё, что происходит в поэме, ведёт к провидимому автором спасению Донбасса, что и утверждается эпилогом:

Пусть помнит одногодок этой Битвы
Лихое время и Победный вальс,
И всех, кто смертью храбрых спас
Донбасс.
Всех тех,
Кому я посвятил рассказ.

Но ещё более очевиден благодатный бытийный итог всех испытаний, показанных в поэме, – возрождающиеся перспективы единства славянских народов, которые и символизированы в эпилоге образом Богдана Хмельницкого:

Все мы снова на коне:
Кто – на синем, кто – на белом;
Повезёт тому вдвойне,
Кто займётся красным делом.

Говоришь: тебе не сладко?!
Горько сетуешь на жизнь?!
Норовистая лошадка
Понесла, а ты держись!

Трудно вновь – тебе и мне,
Значит, всё опять в порядке
В государстве и в стране.

...Мир столице Богом дан!
С булавой и на лошадке –
В центре Киева Богдан.

В целостности этих итоговых смыслообразов можно расслышать ещё одну переключку нашего поэта с образцовой национальной эпопеей «Россиада», которая впервые на эпической высоте

прославила историческое действо, возвратившее благоденствие всему Отечеству. Современный поэт талантливо утверждает моральную победу народа над судьбой и даёт образец национально-исторического обобщения событий.

***

К завершению чтения замечаем, что наше первоначальное впечатление становится убеждением: "ЮГО-ВОСТОК" – как обширное и многогранное сочинение о тектонических событиях славянской истории, остро востребованное национальным сознанием, действительно является эпической поэмой в своём сущностном значении. И явление этого произведения обусловлено не только востребованностью применения масштабной поэтической формы на новом витке укрепления основ национального самосознания, но и способностью современного поэта прозревать и оценивать эпический смысл ныне происходящего.

Так под пером поэта глобалистской эпохи оживает литературная форма, казавшаяся архаичной – монументальное эпическое произведение общенародной проблематики на современном художественном уровне. Можно сказать, что «ЮГО-ВОСТОК» Валерия Митрохина – это эпическая поэма с обратной перспективой: если классическая эпопея выстраивалась вокруг события далёкой истории, (чем дальше, тем вернее можно судить о событии), выявляя в них учительные смыслы, то в данной поэме рассматриваются современные события, но через увеличительный фокус мудрости, которой оснащает поэта история. И нам посчастливилось оказаться среди тех читателей, кто первым познакомился с воплощением идеи эпической поэмы нового типа, основанной на способности современного многоведающего сознания осмысливать не только события далёкой истории, но и провидеть существо животрепещущего настоящего, из которого Провидение продолжает творить историю.

А главная связь эпоса Митрохина с традиционной русской эпической поэмой проходит через его авторское чувство высокой ответственности за её идейное содержание и достойное художественное исполнение. В полном согласии с канонами классической эпической поэмы, образ исследуемой эпохи разработан в подробной конкретике фактов и событий. И хотя главная интрига эпохи ещё не завершена, но в эпическом видении автора она получила выразительное образное оформление и обоснованные оценки. Идеал общественного служения, заданный русской эпической литературой, получил современное глубокое воплощение. Проявилась в этой поэме и традиция чисто русского, беспартийного героизма, заложенная ещё в «Россиаде» Хераскова («Сей муж в сражениях ни дерзок был, ни злобен, / Но твёрдому кремню казался он подобен...»), которая прошла славный путь в русской литературе и, с новой силой неброскости и внутреннего величия, явилась словом современного поэта. Мотив пророчества о будущем Отечества имеет ненамеренное, но убедительное поэтическое звучание. С блеском реализован поэтом и обязательный выход классической эпопеи на утвердительный уровень национального бытия.

Как продолжатель пушкинской эпической традиции, когда лирические рассуждения определяют идейно-эстетическую канву всего произведения, Митрохин создаёт субъективное, но не искажённое контркультурными приёмами послание своим современникам. Совсем недавно поэты стремились волновать читательское сознание эпатажным отношением к традиционным ценностям – через небрежную рифму и вульгарную лексику, но это послание Митрохина возвращает в эпическое поле русской поэзии ценность не ироничного, серьёзно и искренне звучащего слова. По большому счёту, поэт верен традиционному принципу русской литературы – её учительности, притом на высоком уровне художественности, демонстративно противостоя чистому игровому задачам постмодернистской поэзии, изошённости её «опустошённого идеологем». Да и само исполнение такого масштабного эпического замысла показывает продуктивность рецепции даже забытых традиционных форм русской литературы. Книга проявляет автора как поэта, способного, по давнему обычаю русской поэзии, не только воспринимать стихийную силу истории, но и самоотверженно выявлять гармонирующие начала в нынешних явлениях исторической драмы, что и даёт ему возможность «зацепить» читателя куда сильнее нарочитых потуг контркультурного постмодернистского письма.

В своём повествовании поэт не предвещает какие-то конкретные событийные выходы из этой трагической полосы истории, но он акцентирует внимание читателей на её роли как очистительного испытания для славянства от высших сил Провидения: *«Страхнём с неё нагроможденья зла, пусть корни кормят пепел и зола!»*. И всё это интеллектуальное и эмоциональное пиршество автор устраивает ради вхождения читателя в поле вечных истин и нетленных ценностей в современных опознавательных знаках. Вокруг трагических событий поэт

сотворил живительную атмосферу для деяния тех сил, которые питаются энергией любви и добра, и так блистательно исполнил роль создателя утвердительных эпических идей для жизни своей страны. А поскольку сочинение поэта иллюстрирует, что масштабное поэтическое освоение и провидение исторических и духовных источников утвердительного существования общеславянских ценностей по силам современному многоведающему сознанию, то это сочинение, без оговорок, может быть названо эпической поэмой нового типа.

***

И вот повествование заканчивается... Но ведь война ещё идёт... И вдруг поэт, явно имея в виду отпущенный ему жизненный срок, обращается к своим дочерям, Яне и Елене, с заветным словом, и книга сразу же превращается в отцовское наследство и завещание: завершить дело отца, дописать это беспрецедентно искреннее сочинение до точки окончания трагической эпохи. В таком неожиданном расширении смыслов эпоса нетрудно увидеть высочайшую ответственность автора и главного героя за то, чтобы для народной памяти осталось цельно запечатлённое представление о событиях и преодолениях славянского Армагеддона.

Русское поэтическое слово знает разные времена в своём общении с почитателями поэзии: оно плодоносно звучало в аристократических салонах эпохи оформления национальной идентичности русской культуры; оно помнит массовую востребованность поэтических книг в эпоху Золотого века; оно собирало большие залы слушателей, когда выступали поэты серебряного обновления высокого художественного статуса поэзии после периода доминирования прозы; оно вырывалось на площади и стадионы в годы оттепели в XX веке; а то снова становилось достоянием узкого круга единоверцев... В наше время поэзия, хорошая и плохая, бурно живёт в интернете, имея безграничный доступ к читателям. Но есть произведения, которые, в силу своего смыслового и художественного масштаба, должны быть выделены читательским вниманием и прочитаны в бумажной книге, как знаковые вехи эпохи. Такой знаковой книгой для нашей эпохи является это произведение Валерия Митрохина.

P.S.

В продолжение цепи осознаний о значительности поэмы «ЮГО-ВОСТОК» как культурного события нельзя не отметить ещё одно важное соображение. В наше замысловатое время, которое отличилось, в том числе, и искажением многих культурных ценностей, у поэтов стало не принято издавать своё собрание сочинений. А между тем, эта традиция существовала со времён Тредиаковского: выход собрания сочинений всегда был знаком творческой зрелости поэта и его читательского признания. Валерий Митрохин создал и представил публикации произведение, которое может служить полноценным аналогом собрания сочинений, поскольку отражает перманентный поток его творчества за несколько последних десятков лет, передаёт неповторимость его творческой личности, глубину проблематики и суггестивную неотразимость художественного потенциала. Поэтому опыт Валерия Митрохина в создании произведения, которое можно расценить как собрание сочинений, тоже можно причислить к его знаковым новациям, созвучным эпохе.

*Людмила Корнеева,
член Союза писателей России*